

Е.В. Годяева

Мифопоэтика и конструирование художественного мира в творчестве И. Кормильцева на примере стихотворения «Иван Человеков»

Аннотация: Статья представляет собой опыт прочтения стихотворения И. Кормильцева «Иван Человеков» (1988). Текст совмещает в себе элементы разных жанров: агиографического канона, городской легенды и притчи. Последняя определяет композицию стихотворения, ставя перед читателями вопрос: как победить смерть? Автор приводит четыре точки зрения: христианскую, эльфийскую (из произведений о Средиземье Дж.Р.Р. Толкина), фольклорную и позицию лирического героя, выраженную в песенном припеве. В финале лирический персонаж — Иван Человеков — вероятно, возносится на небеса, подражая Христу или действуя как пророк Илия и Енох. Помимо четырех вариантов взаимодействия со смертью, в стихотворении содержится множество аллюзий и отсылок литературного, культурного и религиозного характера: к произведениям М. Горького, Н. В. Гоголя, Дж. Р. Р. Толкина; к притче из Вавилонского Талмуда; к фольклору России и Европы; к творчеству группы «Аквариум»; к Евангелию от Матфея (в виде парафраза Нагорной проповеди). Смещение разных мировоззренческих парадигм создает фантастическое пространство: мир повседневности разрушается из-за прихода смерти, которая приносит с собой и инициирует то выходящее за пределы реальности, что было в Иване Человекове изначально.

Ключевые слова: И. Кормильцев, притча, Nautilus Pompilius, рецепция Толкина, религиозные мотивы

Mythopoeitics and the Construction of the Artistic World in the Works of I. Kormiltsev Based on the Poem “Ivan Chelovekov”

Abstract: This article presents an experiential reading of I. Kormiltsev's poem “Ivan Chelovekov” (1988). The text combines elements of various genres: the hagiographic canon, the urban legend, and the parable. The parable defines the poem's structure and poses the question: how can we overcome death? The author offers four perspectives: the Christian, the Elven (from J.R.R. Tolkien's Middle-earth works), the folkloric, and the lyrical hero's position, expressed in the song's refrain. In the end of the poem, the lyrical character — Ivan Chelovekov — likely ascends to heaven, imitating Christ or acting like the prophets Elijah and Enoch. Besides these four ways of approaching death, the poem contains many references and allusions of a literary, cultural, and religious nature: to the works of Maxim Gorky, Nikolai Gogol, and J.R.R. Tolkien; to a parable from the Babylonian Talmud; to Russian and European folklore; to the work of the group called *Aquarium*; and to the Gospel of Matthew (in the form of a paraphrase of the Sermon on the Mount). This mix of different worldview paradigms creates a fantastical space because of the fact that the everyday world is broken by the arrival of death. Death brings with it the fantastic, and also initiates what is inherent in Ivan's personality.

Keywords: I. Kormiltsev, parable, Nautilus Pompilius, Tolkien's reception, religious motives

Илья Валерьевич Кормильцев — автор ряда известных песен русских музыкальных групп: «Nautilus Pompilius» (далее — NP), «Настя», «Урфин Джюс» и других, — писатель, переводчик и основатель издательства «Ультра.Культура». Ряд его стихотворений не стал песнями и издавался в газетах или сборниках. Стихотворение «Иван Человеков» впервые было опубликовано в газете «Семья» (1988, № 42¹), г. и более точно датировать время написания не представляется возможным. Вместе с этим текстом были опубликованы также несколько других стихотворений²: «Паркет», «Чужая земля», «Наша семья», «Казанова» — впоследствии они были изданы в

сборнике «Скованные одной цепью» (1990). В 1991 г. в альбом «Чужая земля» НР вошли «Иван Чоловеков» и «Чужая земля».

Нами рассматриваются аспекты встречи лирического персонажа из стихотворения «Иван Чоловеков» со смертью. В тексте представлено пространство воображения, характеризующееся смешением разных мифологических систем и мировоззрений в целом.

С одной стороны, перед нами подчеркнута бытовая мир: мусоропровод, лучший галстук, выбритое лицо, рабочий день «с восьми до пяти». Однако нечто фантастическое — смерть — вводится в эту типичную картину. Читателю крайне сложно понять, что перед ним метафорическая история о принятии смерти или что-то другое. На наш взгляд, в «Иване Чоловекове» есть то, что Ц. Тодоров назвал колебаниями имплицитного читателя³, поскольку сверхъестественность происходящего граничит с развернутой аллегорией.

Кроме того, внимание к бытовым деталям может обуславливаться жанровой спецификой. Как замечает С.С. Аверинцев, притча тяготеет к мудрости религиозного или моралистического порядка (чем может быть объяснено обилие христианских образов и аллюзий). Снижение же топики может использоваться для контраста с высоким содержанием⁴.

С одной стороны, Иван Чоловеков — христианин, который живет по заповедям. Так, например, строки «и да его было настоящее да // а нет — настоящее нет»⁵ — это реминисценция из Нагорной Проповеди: «Да будет же слово ваше: “да, да”, “нет, нет”; а что сверх этого — от лукавого» (Мф. 5:37). В то же время в тексте упоминается гора, которую герой не пытается обойти (уточним, что Нагорная Проповедь читалась на горе). Кроме того, в горах и пещерах строили монастыри, что может намекать на святость Ивана Чоловекова. В Нагорной Проповеди внимание уделяется свету — а Иван Чоловеков «смотрел на свет»⁶ и «спокойный и светлый»⁷ ждал смерть: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16). Более того, как и святые, которые знали о часе своей кончины, Иван также видит смерть за некоторое время до предполагаемой гибели и планирует закончить несделанные дела.

Второй интерпретацией смерти Ивана Чоловекова может считаться описываемое Дж.Р.Р. Толкином во «Властелине Колец» отношение эльфов к гибели. Об уместности такой трактовки свидетельствует первая строка текста, которая перекликается с текстом «Электричество» группы «Аквариум»: «Моя работа проста — я смотрю на свет»⁸ — что заметно как с точки зрения действий лирического персонажа, так и на уровне игры слов (свет-свет, простой-просто, смотрел-смотрю). В этой песне Аквариума есть аллюзии на «Легендариум», где белый город на далеком холме — это Валинор (аналог рая), куда эльфы уплывают из Средиземья; звезды отсылают к Варде, которая взаимодействовала со звездами и именно в этом контексте упоминается во «Властелине Колец»⁹. В «Электричестве» также упоминается кольцо — вероятно, кольцо всевластия.

Сам же Кормильцев в 1993 г. перевел «Приключения Тома Бомбадила и другие стихи из Алой Книги»¹⁰, но был, вероятно, знаком с творчеством Толкина и ранее. А.И. Кушнир отмечает следующее, говоря об Илье Кормильцеве: «Зная полдюжины иностранных языков, Илья переводил огромное количество книг, начиная от рок-биографий и заканчивая актуальными трудами современных поэтов и прозаиков. В эпоху «железного занавеса» Кормильцев чувствовал себя органичной частью мировой культуры, и для него это было крайне важное ощущение. Будучи «человеком мира», он постоянно иронизировал на тему специфического советского колорита и уникальности русского быта»¹¹. Отсюда можно заключить, что отсылка к «Электричеству», где образность основана на «Властелине Колец», — не случайна.

В качестве третьей трактовки можно рассмотреть мотив встречи с персонифицированной смертью. Подобные сюжеты встречаются главным образом в фольклоре Европы и России (например, «Солдат и Смерть»¹²). В некоторых религиях подобный мотив встречается и в священных текстах: его можно наблюдать в ведийском тексте «Катха-упанишада»¹³ и в Талмуде.

Особое внимание стоит обратить именно на притчу из Вавилонского Талмуда¹⁴, поскольку сходный мотив встречи с ангелом смерти был обнаружен во многих текстах стран Востока, в частности в Персии и в государстве Селевкидов. В XX в. на эту притчу обратил внимание У. Моэм и использовал ее в своей пьесе «Шеппи». Впоследствии Дж.Г. О'Хара вставил ее в качестве эпиграфа к роману «Свидание в Самарре»¹⁵.

В качестве четвертой версии можно привести припев, в котором выражается позиция самого лирического героя (который, очевидно, разделен с Иваном Человековым). В нем мы видим два варианта взаимодействия: если смерть дает человеку свободу, то она становится рабой, которая «стирает носки»¹⁶; если же ее воспринимают как судьбу, то она становится святой судьей, а человек понимает, что смерть — это смерть, а потому живет спокойно. Ни одна из описанных в припеве ситуаций не соответствует действиям Ивана: с одной стороны, он видит в смерти судьбу и не противится ей, с другой стороны она не становится для него святой судьей, потому что не забирает его. Более того, Иван, по сути, принуждает смерть — ведь именно он указывает ей на время прибытия.

Говорить о собственно авторской позиции в данном случае позволяет контекст творчества Кормильцева. Во многих других его текстах прослеживается мысль, что в человеческих отношениях свобода одного означает рабство другого.

Но почему же в песне на смерть примеряются человеческие мерки? Этому может быть несколько объяснений. Во-первых, сама смерть изначально предстает перед нами как женщина, которая в итоге поступила не как высшее существо, а как человек, потому что она «струсилась»¹⁷ и «забыла»¹⁸. В действиях смерти можно увидеть и влияние советской действительности: смерть выступает в роли чекиста, который пришел арестовать героя, но забыл его адрес. Несмотря на фамилию лирического персонажа — Человек — получается, что Иван выходит за рамки простого человека, в то время как смерть, наоборот, вводится в парадигму человеческих отношений, тем самым смертный побеждает смерть.

Как же можно интерпретировать финал песни? Иван Человек «устал попусту ждать и ушел» — однако куда он мог уйти от смерти? Единственным вариантом нам видится: он отправился на небеса сам, минуя смерть как очеловеченного посредника. Именно так, уплывая на кораблях в Валинор, поступают эльфы Толкина. Эту мысль также подтверждает ранее упомянутый контекст публикации этого текста. Трижды ему сопутствует стихотворение «Чужая земля», где явно прослеживается идея вознесения: «прощай, Чужая Земля // нам здесь больше нельзя // мы стали легче тумана // и хрустальной дождя...»¹⁹

Разночтения, допускаемые финалом стихотворения, могут быть намеренными. Согласно Библии и Евангелию, единственным человеком, который смог вознестись на небеса без смерти, был Иисус Христос. Однако в христианстве существуют дискуссии о фигурах пророка Илии и Еноха²⁰. Обоих святых забрал бог, но при этом из текстов не очевидно, куда именно — на небеса или в иное место на земле. Кормильцев мог намеренно создать схожий спорный момент и в своем стихотворении. В то же время, вероятно, Иван Человек — это не Христос, потому что тот появляется как отдельный лирический персонаж в других текстах автора.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: Кормильцев намеренно вводит в текст одновременно несколько вариантов отношений или взаимодействий со смертью, беря их за отправные точки, но ни один из них не становится единственно верным, потому что лирический персонаж в итоге отправляется на небеса сам.

Говоря о системе образов текста, можно отметить следующие черты. Во-первых, в тексте полностью отсутствует звук, что крайне нехарактерно для творчества Ильи Кормильцева. Напротив, в других его текстах постоянно описываются звуки, чаще всего связанные со скрежетом, разбиванием стекла, шорохами и так далее. В «Иване Человекове» же лирический персонаж даже не говорит смерти прийти — он пишет это в блокноте. Вероятно, это связано с тем, что в коммуникации Ивана со смертью изначально заложена бессмысленность действий,

потому что «он не мог терпеть несделанных дел // и попусту сказанных слов»²¹. Более того, немота может отсылать к исихазму, представителей которого на Руси называли молчаниками. Последователи этой духовной практики принимали обет молчания и вели аскетический образ жизни: что соотносится с поведением Ивана Человекова. Он живет по расписанию, его жизнь подчинена распорядку, а за всю песню он не произносит ни слова. Одновременно с этим молчание героя может быть связано с героем Н. В. Гоголя — Акакием Акакиевичем, где угнетаемый человек вынужден молчать. Как и Иван Человеков, Башмачкин обращается к заповедям Христа, но слова не помогают ему, что приводит к фантастическому финалу²².

Рассмотрим фамилию лирического персонажа. Вероятно, Иван Человеков назван так, потому что под ним может пониматься человек любой национальности, пола и так далее. Это косвенно подтверждает и биография Кормильцева, который изучал философию и разные религии²³, акцентируя внимание на важности плюрализма и разнообразия. Несмотря на обилие обращений к христианству, можно говорить и о человеке любой религии, потому что здесь христианство показано лишь как одно из возможных мировоззрений.

Отдельного внимания заслуживает выражение «стирать носки». Согласно НКРЯ²⁴, оно впервые употребляется в письме И.П. Сиротинской В.Т. Шаламову (1967) в следующем контексте: «Нет, я права — надо жить просто: есть, пить, сидеть у моря, кормить детей, стирать носки»²⁵. Возможно, это свидетельствует о том, что в культуре закрепилось представление об этом действии как о бытовом, рутинном и приземленном. В дальнейшем семантика выражения могла измениться в сторону понижения, и стирка носков стала действием унижительным, связанным с обслуживанием. Учитывая данную коннотацию, можно заметить, что, в частности, с помощью этого образ смерти снижается до не простого, а до живущего самой обыденной жизнью человека. Однако в христианской культуре ему соответствует по форме ритуал омовения ног — максимально интимное взаимодействие и символ безусловной преданности.

При этом сам Иван Человеков с первых строк оказывается особенным, даже если исключить его поведение, сопоставимое с действиями святого. Конец первой строфы: «и если на пути становилась гора // он не пытался ее обойти»²⁶ — отсылает к поговорке «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет». Иными словами, лирический персонаж — дурак. Отсылка к Ивану-дураку выстраивает сразу ряд ассоциаций с русскими народными сказками, где главные черты героя — это то, что он исключителен и что он другой по отношению к окружающему миру. Также фамилия «Человеков», вероятно, отсылает к известной фразе Сатина, героя Максима Горького: «Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо!»²⁷ У Горького также есть текст, где героиня встречается со смертью — «Девушка и смерть». Героиня, будучи так же, как и Иван Человеков, исключительной, в итоге уходит вместе со смертью и становится Любовью²⁸. Иными словами, ее человеческое чувство становится доминантой и тем, что дарит ей бессмертие в такой форме.

Итак, с образом Ивана Человекова складывается следующая ситуация: с одной стороны, он показан на контрасте со смертью, которая ведет себя как самый типичный человек, и из-за этого становится выше, но при этом и в его фамилии, и в его поведении заложена идея иного человека, и за счет своих поступков, которые отдаляют его от других людей, становится над смертью и всем миром вокруг. Но при этом он остается человеком, как раз тем, о котором мог говорить Сатин. Пространство стихотворения же строится как фантастическое: мир повседневности нарушается приходом смерти, которая приносит с собой и инициирует то выходящее за пределы реальности, что было в Иване Человекове. Более того, одна из точек зрения — это позиция лирического героя, который сравнивает свои воображаемые представления о взаимоотношениях смерти и человека с текстовой реальностью, где Иван Человеков принципиально по-другому проживает эту ситуацию.

Примечания:

- ¹ Кормильцев И.В. Поэзия. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. С. 574.
- ² Кормильцев И.В. Поэзия. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. С. 566–574.
- ³ Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу [пер. с франц. Б. Наумова]. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 30.
- ⁴ Аверинцев С.С. Притча // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1971. Т. 6. С. 20–21.
- ⁵ Кормильцев И.В. Стихи. Скованные одной цепью. М.: Чертановская типография, 1990. С. 9.
- ⁶ Кормильцев И.В. Стихи. Скованные одной цепью. М.: Чертановская типография, 1990. С. 9.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Курия С.И. РОК-ПЕСНИ: толкование // <https://www.kursivom.ru/%D0%B0%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%83%D0%BC-%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D0%B1%D0%B3/>
- ⁹ Tolkien J.R.R. The Fellowship of the Ring. New York: HarperCollins Publishers, 2020. P. 382.
- ¹⁰ Толкин Дж.Р. Приключения Тома Бомбадила и другие истории: Сборник [пер. с англ. М. Каменкович, И. Кормильцев]. СПб: Азбука, 1999. С. 1.
- ¹¹ Кушнир А. Кормильцев. Космос как воспоминание. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 92.
- ¹² Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. М.: Современные проблемы, 1914. С. 135–160.
- ¹³ Упанишады: с комментариями [сост. С. Кузина]. М.: АСТ, 2023. С. 155–161.
- ¹⁴ The Babylonian Talmud. Mas. Sukkah 53a. URL: <https://juchre.org/talmud/sukkah/sukkah3.htm>
- ¹⁵ Митина Л.С. Логос “свидание в Самарре” в рамках исторического хронотопа // https://www.rusnauka.com/9_NND_2012/Philologia/6_105251.doc.htm
- ¹⁶ Кормильцев И.В. Стихи. Скованные одной цепью. М.: Чертановская типография, 1990. С. 9.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Кормильцев И.В. Стихи. Скованные одной цепью. М.: Чертановская типография, 1990. С. 22.
- ²⁰ Восходили ли Енох и Илия на небо? // <https://pravoslavie.ru/55239.html>
- ²¹ Кормильцев И.В. Стихи. Скованные одной цепью. М.: Чертановская типография, 1990. С. 9.
- ²² Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3. Повести. С. 139–174.
- ²³ Кормильцев И.В. Non-fiction. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. С. 561.
- ²⁴ Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Донина О.В., Кузнецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчикова М.В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.
- ²⁵ Шаламов В.Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: Изд-во Эксмо, 2004. С. 855.
- ²⁶ Кормильцев И.В. Стихи. Скованные одной цепью. М.: Чертановская типография, 1990. С. 9.
- ²⁷ Горький М. Рассказы, очерки, наброски, стихи. // Полное собрание сочинений. Художественные произведения в двадцати пяти томах. 1885–1894. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 177.
- ²⁸ Горький М. Пьесы, драматические наброски. 1897–1906 // Полное собрание сочинений. Художественные произведения в двадцати пяти томах. М.: Наука, 1968. Т. 7. С. 27–33.

Сведения об авторе: Годяева Екатерина Владиславовна, 2 курс бакалавриата, НИУ ВШЭ — Нижний Новгород

E-mail: katerina-godyaeva@yandex.ru

Научный руководитель: Деменева Ксения Александровна, к.ф.н., приглашенный преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ — Нижний Новгород

Information about the author: Ekaterina V. Godyaeva, the 2nd year of BS, Higher School of Economics (N. Novgorod).

E-mail: katerina-godyaeva@yandex.ru

Scientific adviser: Ksenia A. Demeneva, Candidate of Science, Guest Lecturer, Higher School of Economics (N. Novgorod).